

Дерзис
СМОЛЛ

Бертрис
СМОЛЛ

Колдунья моя

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С51

Серия «Гарем Бертрис Смолл»

Bertrice Small
ENCHANTRESS MINE

Перевод с английского *А. И. Блейз*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

Печатается с разрешения New American Library,
an imprint of Penguin Publishing Group,
a division of Penguin Random House LLC
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Смолл, Бертрис.

С51 Колдунья моя : [роман] / Бертрис Смолл ; [пер. с англ. А. И. Блейз]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 416 с. — (Гарем Бертрис Смолл).

ISBN 978-5-17-103080-3

Юная бретонская красавица Мэйрин возвращается на родину из Византии после короткого и трагического замужества. Придворные интриги предопределяют ее новый брак — с французским рыцарем Жоссленом де Комбуром, которого она страстно полюбила. Но недолгое счастье внезапно обрывается: безжалостный викинг по прозвищу Длинный Меч похищает прекрасную Мэйрин. Ей удастся спастись, однако между супругами встает стена недоверия и ревности. Трудной и мучительной будет дорога к новому счастью...

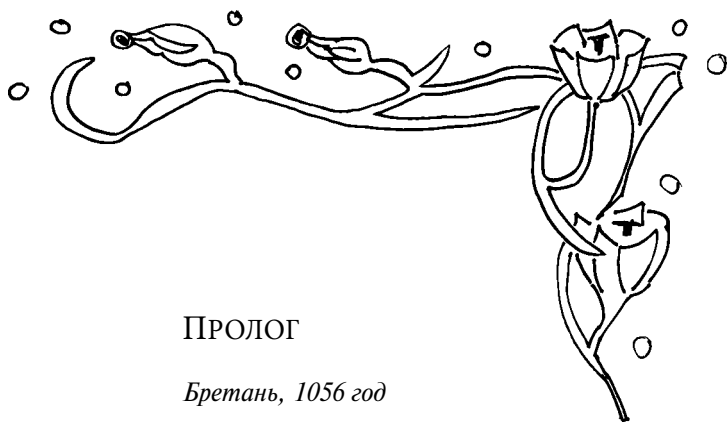
УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Bertrice Small, 1987
© Перевод. А. И. Блейз, 2008

ISBN 978-5-17-103080-3

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

*Морган Лливелин с любовью
от ее сестры из будущего.*

ПРОЛОГ

Бретань, 1056 год

— Э тот ребенок незаконнорожденный, дядя, и об этом надо объявить! — Бланш Сен-Ронан поджала губы, ее жесткие голубые глаза впились в лицо дяди. — Я вышла замуж за Сирена Сен-Ронана и согласилась жить в Аргоате не для того, чтобы мое дитя лишилось всего по вине этого отродья! — Ее тонкие пальцы вцепились в темно-синий шелк пышной юбки. На каждом пальце сверкало золотое кольцо с драгоценным камнем. — Ты должен помочь мне, дядя! Должен!

Епископ Сен-Бриека взглянул на свою племянницу, испытывая при этом привычное чувственное удовольствие. Бланш была безукоризненной красавицей: со светло-золотистыми косами, переплетенными цветными лентами, с молочно-розовой кожей и небесно-голубыми глазами. Епископ ощутил легкий укол досады. Бланш годилась в жены королю, но из-за того, что она была младшей дочерью сестры епископа, приданое ей досталось очень маленькое. Родители хотели было отправить Бланш в монастырь, но девушка взбунтовалась, и дядя поддержал ее: она слишком хороша, чтобы прятать ее от людских глаз. Епископ устроил ее брак с бароном Сен-Ронаном — отпрыском безупречного бретонского рода и владельцем чудесного поместья, но человеком небогатым.

Сирен Сен-Ронан был вдовцом; от первого брака у него осталась маленькая дочка. Бланш возненавидела девочку с первого взгляда, но до свадьбы с бароном Сен-Ронаном умело скрывала свое отвращение. Теперь же она сама была

беременна, и епископ понимал тревогу своей племянницы, однако он был осторожен. Бланш не удастся так просто избавиться от падчерицы. Епископ сделал еще одну попытку вразумить ее:

— Если ты родишь сына, Бланш, то никто не станет оспаривать его право на наследство. Все, что достанется этой девочке, — крохотное приданое. Через год-другой она войдет в возраст, и ее можно будет отослать в семью ее будущего мужа, если же нет, то мы сможем отправить ее в монастырь и покончить с этим. Не стоит беспокоиться, сокровище мое. — Епископ протянул пухлую руку с ямочками и погладил племянницу по шелковистым волосам. — Ты еще молода. Тебе всего четырнадцать лет, у тебя впереди много времени, и ты еще родишь своему супругу много сыновей.

— Сирен умирает, дядя! Другого ребенка не будет! Если родится дочка, то тогда эта девчонка, Мэйрин, унаследует поместье, а мое дитя останется ни с чем! Ты не можешь допустить, чтобы это произошло, дядя! Не можешь! — В голосе ее зазвенели нотки близкой истерики. — Я ношу под сердцем девочку, дядя. Это она сказала! Помогите мне!

— Пока ребенок не родится, Бланш, никто не сможет сказать, мальчик это или девочка. Кто сказал тебе, что ты носишь дочку? Неужели ты слушаешь этих деревенских старух с их рассказами и приметам?

— Это сказала Мэйрин, дядя. Ты ведь знаешь, что эта девчонка ясновидящая! Здесь, в Бретани, мы не можем закрывать глаза на подобные вещи, ведь мы происходим из кельтского рода. Несколько недель назад она спросила меня: «Как вы себя чувствуете сегодня, миледи Бланш? А как чувствует себя моя маленькая сестренка?» Сирен был со мной, это случилось еще до того несчастья. Он поднял эту проклятую девчонку на руки и спросил: «Значит, ты увидела, что у тебя будет сестра, Мэйрин?» А она ответила: «Да, отец. Это сестричка, и она будет такой же хорошенькой, как леди Бланш».

Епископ откинулся на спинку кресла и задумался над словами племянницы. Церковь не одобряла ясновидцев, но, как справедливо заметила Бланш, они жили в Бретани. Они действительно были потомками кельтов, и что бы там ни говорила церковь, бретонцы верили в ясновидение. Падчерица его племянницы на самом деле владела этим даром, хотя ей всего пять с половиной лет и она еще не научилась как следует управлять им. Если Сирен Сен-Ронан умрет от

ран, а ребенок Бланш окажется девочкой, их семья наверняка потеряет земли Сен-Ронана, поскольку наследницей станет старшая дочь. Мэйрин — здоровый ребенок, и хотя сам епископ никогда бы не решился на насилие против малышки, его племянница сейчас была готова на все.

— А что говорят лекари о состоянии твоего мужа, сокровище мое? — мягко поинтересовался епископ. — Они действительно убеждены, что он умирает?

— Да, — раздраженно ответила Бланш. — Он в ужасном состоянии, дядя, слабеет день ото дня, и доктор уже простился с надеждой. Я овдовею задолго до того, как родится мой ребенок! И все из-за того, что Сирен и граф де Комбур вздумали играть в эту дурацкую игру! Может быть, граф будет заботиться обо мне и моем ребенке, когда Сирен умрет? Как бы не так! Он виноват, а я должна страдать!

— Бланш, Бланш, — успокаивающе проговорил епископ, сжимая толстой ручкой ее изящное плечо. — Сирен дружил с графом с детских лет, и они играли в свою любимую игру, как всегда, когда граф приезжал в Ландерно. Чтобы перепрыгнуть верхом на лошади замковый ров, нужно большое искусство, и оба они в прошлом часто падали в воду. Сирену просто не повезло, что на сей раз его придавила лошадь и он наглотался воды.

— Да, — с горечью отозвалась Бланш Сен-Ронан, — действительно, не повезло, дядя, но теперь мне придется самой заботиться о моем ребенке. И чтобы мое дитя не стало несчастным, Мэйрин надо объявить незаконнорожденной. Почему я должна беспокоиться о том, что станется с Мэйрин? Она не моя дочь! Почему я должна думать о будущем этого отродья ирландской дикарки? Если дожждаться смерти Сирена, люди скажут, что я оклеветала эту девчонку, но если ты поможешь мне сейчас, милый дядюшка, разве кто-нибудь осмелится обсуждать решение церкви? Если сделать это до смерти мужа и если он не станет протестовать, кто посмеет осуждать меня?

— Сирен Сен-Ронан любит свою дочь, Бланш. Он не допустит, чтобы ее объявили незаконнорожденной.

— Сирен Сен-Ронан ничего об этом не узнает, дядя. Как только дело будет сделано, к нему не приблизится никто, кроме меня и моих преданных слуг. И люди воспримут его молчание как знак согласия! — Бланш торжествующе улыбнулась епископу, и ее мелкие ровные зубки ослепительно сверкнули между розовыми губками.

— Что именно ты хочешь от меня, Бланш? — Епископ подумал, что его племянница, видимо, очень тщательно поразмыслила об этом деле. Решимость ее восхищала.

— Церковь должна объявить, что Мэйрин Сен-Ронан рождена вне брака и потому не имеет права унаследовать поместье своего отца, — спокойно ответила Бланш. — Церковь должна объявить, что настоящим наследником Сирена Сен-Ронана станет ребенок, которого я ношу под сердцем.

— Но на каких основаниях, Бланш? Чтобы лишить наследства маленькую Мэйрин, нам понадобится законное доказательство, иначе меня обвинят в клевете.

— Дядя! Я знаю наверняка, что свидетельства о браке моего супруга с матерью этой девчонки не существует. Эту женщину не видел в Бретани ни один человек. Она ведь была ирландкой и, как утверждают, умерла в Ирландии, так что Сирен не успел привезти ее сюда. Однако доказательств этому не существует. Эту девчонку признали только со слов моего мужа.

— Как звали ее мать? — спросил епископ. — Тебе известно о ней что-нибудь?

— Ее звали Мэйр Тир Коннелл. Сирен говорил, что она была из королевского рода, но я не верю ни единому его слову! Я уверена, что она какая-нибудь деревенская дикарка, с которой милорд забавлялся, пока жил в Ирландии. Говорят, мой муж в юности был весьма необуздан. Знаешь ли, дядя, эта развратница могла родить девчонку и не от него! Возможно, Мэйр Тир Коннелл действительно умерла, а Сирен взял ее ребенка на воспитание. Ты ведь знаешь, какой он мягкосердечный. Так разве можем мы допустить, чтобы Ландерно попало в руки внебрачной дочери, рожденной неизвестно от кого, да еще при том, что я скоро рожу законного наследника поместья?

— А что делал барон Сен-Ронан в Ирландии? — любопытствовал епископ.

— Мать Сирена была ирландкой. Когда его отец умер, она вышла замуж за своего старого друга, с которым выросла вместе в Ирландии. Через несколько лет она заболела, и отчим моего супруга послал за ним, чтобы он простился с матерью. Тогда-то он и встретил Мэйр Тир Коннелл и, по его уверениям, женился на ней. Но он никогда не показывал мне свидетельства об этом браке, дядя, и сама я не смогла найти никакого подтверждающего документа. Поверь мне, я очень хорошо искала.

Епископ сдержанно улыбнулся. Он не сомневался, что его обожаемая Бланш действительно усердно ис-

кала документ о первом браке своего мужа, чтобы уничтожить его.

— Когда эта ирландка родила милорду дочку, она чувствовала себя очень плохо, — продолжала Бланш. — Сирен вернулся в Бретань, оставив ее набираться сил перед долгим путешествием в Ландерно. Он не был в своем поместье больше года и беспокоился о том, как здесь идут дела. Его мать умерла вскоре после рождения Мэйрин. А когда Сирен снова приехал в Ирландию, чтобы забрать эту женщину и ее ребенка, то узнал, что Мэйр тоже умерла. Он привез ее дочку в Бретань. Это он так говорит, дядя, но мне кажется, что он просто пытается защитить внебрачного ребенка. Этот брак не подтвержден никаким документом!

— Ты уверена, моя малышка?

Если это правда, подумал епископ, то его смышленная племянница, похоже, действительно нашла способ лишиться наследства свою падчерицу.

— Абсолютно уверена, дядя, — твердо ответила Бланш.

— А как насчет того великана-ирландца, который охраняет девочку, сокровище мое? По-моему, он был рабом матери Мэйрин. Возможно, ему известна правда. Ты не говорила с ним?

— Дагда? Он не сможет сообщить нам ничего ценного, дядя. Он до невозможности глуп. Если ты сможешь мне, мы без труда добьемся своего!

Епископ Сен-Бриекла благосклонно улыбнулся своей любимой племяннице, снова подумав о том, как она хороша собой. У Бланш было безошибочное чувство стиля. Синее платье, которое она надела сегодня, удивительно шло к ее светлым волосам и прекрасным голубым глазам. Пышная юбка лишь чуть-чуть темнее, чем туника с воротом и манжетами, расшитыми золотой нитью и крохотными речными жемчужинами. Золотистые косы, переплетенные розовыми лентами, уложены в завитки вокруг ушей, как требовала мода; прическу поддерживал тонкий золотой обруч, украшенный сверкающими самоцветами. «Да, Бланш просто великолепна», — с гордостью подумал епископ. Она заслуживала блестящей партии.

— Если ты уверена в том, что говоришь, Бланш, — произнес он с одобрительной улыбкой, — то я постараюсь помочь тебе в этом деле. В отличие от своего легкомысленного супруга, малышка моя, ты получишь документ с подписью и печатью, который подтвердит правоту твоих слов. Мэйрин Сен-Ронан будет объявлена незаконнорожденной и не

сможет унаследовать владения своего отца. Земли Сирена Сен-Ронана будут принадлежать только твоему ребенку, а ты станешь управлять ими до тех пор, пока твой ребенок не вступит в брак, будь то девочка, или не достигнет совершеннолетия, если родится мальчик. Ты довольна?

Бланш вскочила со скамьи и обвила руками шею дяди, как она обычно делала в детстве. Затем с лукавой улыбкой уселась на его пухлые колени, вызывая поерзав ягодицами.

— Ах, дядюшка, — ласково проговорила она, заглядывая в его полное лицо. — Ты всегда так добр ко мне!

Епископ лучезарно улыбнулся ей в ответ, чувствуя, как у него слегка перехватило дыхание. Его окутал чудесный аромат благовоний, которыми так искусно пользовалась Бланш. Сегодня она благоухала, как ночная лилия.

— Милая Бланш, — ответил он, погладив ее по изящной ручке, — разве может быть иначе? Я обожаю тебя, и ты прекрасно это знаешь, моя плутовка.

Бланш Сен-Ронан крепко прижалась к своему дяде. Кончик ее розового языка дразнище прикоснулся к его полным губам.

— Пусть будет так, как было раньше, пока я не уехала в Ландерно! — хрипловато прошептала она. — Давай займемся любовью!

Дыхание епископа стало тяжелым и частым; не выдержав, он сжал грудь своей племянницы со стоном, выдававшим вспыхнувшую страсть.

— Ты беременна, и я боюсь причинить тебе вред, моя малышка, — для вида возразил он.

— Дядюшка, дорогой! — Бланш обдала его ухо жарким дыханием. — У меня даже живот еще не округлился. Ты не причинишь никакого вреда, а я стораю от желания! Меня выдали замуж за слабого, отвратительного человека, который никогда не был таким мужественным, как ты. Не понимаю, зачем ему вообще понадобилась жена. — Она слегка лизнула ухо епископа.

— Тебе повезло, что он решил жениться, малышка моя! Иначе ты сидела бы взаперти в монастыре, а не купалась бы в роскоши, — напомнил ей епископ, чувствуя, как его естество начинает требовать своего.

— Но он никогда не сравнится бы с тобой, дядя, — недовольно надув губки, отозвалась Бланш. — Я приду в твои покои, как только отдам нужные распоряжения в замке, — добавила она и улыбнулась, обнажив безупречно

белые зубы. — Милый мой дядюшка, ты ведь не откажешься утешить меня в моем несчастье?

Сердце епископа колотилось от возбуждения; он чувствовал, как страсть к очаровательной племяннице возрастает в нем с каждым мгновением. Он взял ее девственность в исповедальне, когда ей было двенадцать лет, и сейчас, когда Бланш ласкалась к нему, он вспомнил, как обладал ею прежде. Это случилось неоднократно, и каждый раз Бланш оказывалась восхитительно ненасытной. Только сейчас епископ в полной мере понял, как ему недоставало милой племянницы с тех пор, как она вышла замуж за Сирена Сен-Ронана. Хотя жаловаться на одиночество ему не приходилось, ни одна женщина не вызывала в нем такой страсти, как Бланш. Протянув руку, он погладил ее по бархатистой щечке и проговорил благочестивым тоном:

— Двери моей комнаты будут открыты для тебя, дорогая племянница, если ты пожелаешь явиться ко мне на исповедь нынче вечером.

— Я приду и с радостью исполню любую епитимью, которую ты наложишь на меня, дядюшка, — с притворной застенчивостью отозвалась Бланш.

Когда она вышла из комнаты, на лице ее вспыхнула торжествующая улыбка: она не сомневалась в том, что добилась успеха. Она очень быстро научилась использовать свое тело как могущественное оружие в борьбе между полами. Эта девчонка, Мэйрин, лишится наследства и уберется прочь из поместья. Ребенок Бланш унаследует земли Сен-Ронана! Бланш возблагодарила Бога и Пресвятую Богоматерь за то, что ее дядя так похотлив. Ведь иначе она и ее ребенок были бы вынуждены рассчитывать на милость этого маленького отродья. Бланш решила, что как только дело уладится, надо избавиться от этой девчонки как можно скорее. Когда церковь объявит Мэйрин незаконнорожденной, у людей начнут чесаться языки, но если Мэйрин исчезнет, то это несколько успокоит зуд в языках. К тому же кто захочет встать на сторону незаконного ребенка и пойти против законной вдовы хозяина поместья? Леди Сен-Ронан не очень-то беспокоилась о том, что будут думать о ней люди, когда она станет победительницей. Бланш Сен-Ронан широко улыбнулась, но глаза ее остались холодными.

Часть первая

АНГЛИЯ, 1056–1063

ДОЧЬ САКСОНЦА

ГЛАВА 1

В аргоатском лесу стояла тишина, лишь изредка нарушаемая трелью птицы или тихим шелестом ветра в листве. Кроны берез и дубов гордо парили в недосягаемой высоте; крепкие, покрытые зеленью ветви тянулись к животворному солнечному теплу. Под деревьями лежали огромные замшелые валуны, за долгие столетия принявшие под ветром и дождями причудливые, странные формы. Следуя почти неразличимой тропкой, вьющейся среди этих диковинных глыб, можно было выйти к ручью, бесшумно огибающему камни, круто сворачивающему вбок и теряющемуся где-то в лесной глуши.

Теплые лучи августовского солнца пробивались сквозь густую листву, заливая землю зеленоватым светом и скользя по глади темного озерца на поляну, где остановился огромный олень с ветвистой короной рогов, пришедший на водопой. Солнечный блик коснулся его коричневой бархатной кожи, но великолепное животное чувствовало себя так уверенно в этом волшебном царстве, что даже не подняло голову и лишь скосило влажные глаза на еле слышный шорох в подлеске, расступившемся, чтобы пропустить на зачарованную поляну крошечного гостя. Это был ребенок. Маленькая девочка, настолько хрупкая и изящно сложенная, что казалось, легкого ветерка достаточно, чтобы подхватить ее и поднять в воздух.

Увидев оленя, Мэйрин Сен-Ронан остановилась и поздоровалась с ним.

— Привет, Хирн! — раздался тонкий детский голосок, и олень снова наклонил голову к воде, чувствуя, что перед ним друг.

Белоснежная, почти прозрачная кожа девочки казалась светящейся. Волосы ее в солнечном свете сияли медным блеском; те, кто впервые видел эту огненно-рыжую маленькую красавицу, неизменно поражались необычному цвету ее волос. Некоторые даже дотрагивались до удивительно мягкого шелковистого облака, окутывавшего ее головку, словно не веря собственным глазам и желая убедиться на ощупь в том, что такое чудо возможно. И впрямь трудно поверить, что ребенок в таком нежном возрасте уже может быть настолько прекрасным; видевшие ее невольно начинали гадать, что же будет, когда она вырастет. Впрочем, девочка уже и сейчас была развита не по годам, и в сочетании с редчайшей красотой это производило на многих странное впечатление. Ходили даже слухи, что она бывает у старухи Кателлы, известной в округе ведьмы, и поскольку девочка проявила необычные способности к целительству, многие считали ее юной колдуньей. В конце концов разве не в Бретани жили великий чародей Мерлин и знаменитая волшебница Вивиана?

Девочка подбежала к берегу озера и, опустившись на колени, на мгновение погрузила ладошку в черную воду и отряхнула прохладные капли. Из темного гладкого зеркала на Мэйрин взглянуло ее отражение, и, рассматривая его, девочка увидела маленький квадратный подбородок, короткий прямой носик (отец уверял ее, что он в конце концов вырастет) и рот, о котором ее мачеха как-то сказала, что он чересчур велик и даже несколько вульгарен для девушки знатного рода. Мэйрин слегка скривила губы, глядя на свое лицо. Она знала заклинания и чары, которые могли бы выбелить кожу и осветлить волосы, но как изменить форму рта, ей было неизвестно.

Что до леди Бланш с ее холодными голубыми глазами и губами, похожими на бутон розы, которые вечно надувались от недовольства, то Мэйрин прекрасно отдавала себе отчет в том, что новая жена отца не любит ее, хотя и не понимала почему. Мэйрин была счастлива, что ее отец наконец вступил в брак: она знала, что ему нужен сын. Но сына не будет: Мэйрин точно знала, что ее мачеха родит дочку, а ее отец, как ни тяжело об этом думать, лежал при смерти. Мэйрин прочла это в его печальных глазах. Слеза скатилась по щеке,